

Рон наблюдал, как его лучший друг закрыл за собой дверь, и наконец повернулся к Гермионе.

Один.

Он не знал, что сейчас чувствует. Или даже то, как он должен был себя чувствовать. Он видел, как Гарри принял Гермиону с должным приемом, и его негодование выплеснулось на поверхность. Недавно он обнаружил, что иррационально ревнует к Гарри, и последний интимный момент его друга с Гермионой только подлил масла в этот огонь. Но часть его знала, что Гарри не виноват. Что вопросы лежат только с ним самим.

У него всегда были подозрения, что Гермиона испытывает чувства к Гарри и наоборот, и только недавно эти опасения рассеялись. В конце концов, Гарри сказал ему, что любит Гермиону только как сестру.

А потом она поцеловала меня! Мне! Так почему же я злюсь, когда вижу, как они вот так обнимаются! Они друзья! Почему бы им не обнять друг друга?

Он на мгновение закрыл глаза, вспоминая слова Гарри в тот день, когда Гермиона уехала в Австралию. Возможно, его друг был прав.

Может, пора мне повзрослеть.

Он снова открыл глаза и посмотрел на своего друга — надеюсь, все еще на свою девушку. Он заметил, что на ее лице было испуганное выражение, и пришел к пониманию.

— Прости, — начал он. Он заметил выражение удивления на ее лице при его словах.

‘Вы сожалеете?’ она спросила.

‘Да. Мне жаль. Для многих вещей. За то, что поссорился с тобой перед тем, как ты ушел. За неуважение к твоему решению идти одному. Он вздохнул. — За то, что злился на тебя три чертовых недели. За то, что не поддержал тебя, как я обещал. За то, что не приветствовал тебя дома должным образом. Короче говоря; за то, что ты полная задница. Ты можешь простить меня? Мы можем начать снова?’

Ему показалось, что он увидел мгновение колебания в ее глазах, прежде чем она наконец ответила.

— Конечно, я прощаю тебя, — тихо сказала она, но прежде чем позволила себя обнять, подняла руку, чтобы предупредить его. «Я могу простить тебя, Рон, но мне интересно, как часто нам придется проходить через подобные вещи? Как часто мы будем спорить и как часто мне придется прощать тебя или ты прощаешь меня? Прежде чем я захочу начать снова, я хочу знать, будет ли это обычным явлением. Будут времена, когда я сделаю что-то, что вам не

нравится, и наоборот. Мне нужно знать, что ты не собираешься уходить, как делал до того, как я ушел, только потому, что ты не добивался своего. Я согласен с тем, что мы не всегда будем согласны и что будут времена, когда мы будем спорить, но я не допущу, чтобы ты выбрасывал свои игрушки из коляски каждый раз, когда дела идут не так, как ты хочешь. Нам нужно иметь возможность обсуждать наши разногласия, не выходя из себя, по крайней мере, иногда. Мы достаточно поругались как друзья, Рон; Я не хочу постоянно ссориться со своим парнем. Вы можете это понять?

Рон глубоко вздохнул, пытаясь сдержать свой первоначальный гнев на ее слова. — Я понимаю это, Гермиона, возможно, даже лучше, чем ты думаешь. Гарри сказал мне, что мне нужно повзрослеть, и я думаю, что он прав. Я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы понять вашу точку зрения, когда мы не согласны, и постараюсь не злиться. Я не знаю, что еще я могу сказать.

— Больше ничего не нужно говорить, — тихо ответила она. «Это все, о чем я прошу, Рон; что вы уважаете меня и делаете все возможное, чтобы уважать мои решения. Давайте попробуем начать снова; давайте притворимся, что у нас никогда не было этого спора. Говоря это, она наклонилась вперед и позволила себе быть втянутой в его объятия. Рон крепко держал ее, чувствуя облегчение и удовлетворение обоих, и считал себя самым счастливым человеком на свете.

Со своей стороны, Гермиона позволила себя обнять, но удивлялась, почему она не чувствовала себя так же хорошо, как когда Гарри обнимал ее несколько мгновений назад. Внезапная мысль мелькнула у нее в голове, пока она обдумывала это.

Что, если лучшее, что есть у Рона, недостаточно?

Это была ужасная мысль, но она не могла избежать ее. На протяжении всего шестого курса и даже во время поисков хоркруксов она верила, что это все, на что она надеялась, — что они с Роном окажутся вместе. Несмотря на их многочисленные ссоры на протяжении многих лет, несмотря на ужасные вещи, которые он время от времени говорил ей, она пришла к выводу, что Рон был для нее и что они в конечном итоге будут вместе. Но теперь она начала задаваться вопросом, потому что она не хотела отношений, в которых она все время боролась. Она всегда говорила себе, что ее ссоры с Роном происходили из-за того, что их обоих смущали смешанные чувства друг к другу — проблема «друзей или чего-то большего». Она верила, что как только их отношения выйдут на чистую воду, это напряжение исчезнет, и они успокоятся. Рон реакция на ее отъезд в Австралию заставила ее усомниться в этой логике. Даже сейчас, после того как он пообещал ей, что сделает все возможное, она почувствовала скорее странное беспокойство, чем облегчение.

Что, если лучшее, что есть у Рона, недостаточно?

Стоя в его объятиях, она обнаружила, что не знает ответа на этот вопрос.

Чуть больше часа спустя Гарри осторожно постучал в дверь спальни Рона и подождал

несколько мгновений, пока не услышал знакомый голос своего лучшего друга.

«Кто это?»

Гарри улыбнулся. «Я, ты, тупой мерзавец! Могу ли я войти?»

— Конечно, ты можешь войти, Гарри, — вмешалась Гермиона с оттенком резкости в голосе. Когда он потянулся к дверной ручке, то услышал настойчивое шипение, исходящее и от его друзей. Он подавил улыбку и вошел в комнату.

Сцена, которая его встретила, была не такой, какой он ожидал. Во-первых, в комнате было чисто, и он подозревал, что Рон и Гермиона обменялись несколькими словами, потому что, когда он был в комнате, чтобы увидеть Рона ранее в тот же день, она не выглядела такой... упорядоченной. Ранее сегодня на нем были все признаки мужчины Уизли; неопрятный и неорганизованный.

Другим аспектом этой маленькой картины был тот факт, что два его друга сидели на разных кроватях и в противоположных концах, и он задавался этим вопросом. Неужели они делают это не для моей выгоды? Какое-то время он подозревал, что Рон и Гермиона могут наконец стать парой, но на самом деле он не думал о том, как они будут вести себя с ним, когда это произойдет. Он также не был уверен, насколько успешным было их примирение, и теперь он задавался вопросом, были ли они все еще вместе. Но их поведение начало его немного раздражать; если бы он знал, что они будут вести себя так глупо, он мог бы сделать больше, чтобы предотвратить начало отношений.

Теперь, почему я так подумал?

— Что случилось, Гарри?

Гарри встряхнулся и вернулся к тому моменту, когда услышал вопрос Гермионы. Он посмотрел на двух своих друзей на мгновение, прежде чем схватить стул у окна и очень намеренно поставить его между двумя кроватями. Взглянув вверх, он заметил на лице Гермионы слабое выражение мрачного веселья, и ему пришло в голову, что она точно знала, почему он поставил стул именно там, где стоял. Быстрый взгляд на Рона сказал ему, что другой его друг не обращал внимания на его мотивы. Он тяжело вздохнул, прежде чем сесть и сунуть руку в карман.

— Когда тебя не было, — начал он, глядя прямо на Гермиону, — у меня была встреча с Кингсли и Андромедой. Он заметил, как смягчилось выражение ее лица, и понял, что она знала, почему произошла такая встреча.

— Когда вы познакомились с Кингсли? — возмущенно спросил Рон. «Вы никогда не говорили мне об этом!»

Гарри повернулся к своему рыжеволосому другу и вздохнул. — Нечего было рассказывать, Рон, — ответил он. `По крайней мере, нечего сказать, что не могло ждать до сих пор. Мы были не в лучших отношениях, не так ли? Он проигнорировал внезапный румянец на лице Рона от мягкого упрека и продолжил. «Кроме того, я хотел, чтобы Гермиона услышала это первой, потому что это затрагивает ее больше, чем кого-либо». Мне показалось неправильным сказать тебе, когда ее здесь не было.

`Сказать ему что?' — спросила Гермиона. Она наклонилась вперед, и он увидел замешательство на ее лице. — Я предполагаю, что вы встретились с Кингсли и Андромедой, чтобы обсудить завещание Ремуса? она спросила.

Гарри кивнул.

`Итак, как я вписываюсь в это?' Гермиона продолжила. «Как бы я ни любил и восхищался Ремусом, я не понимаю, почему его Воля повлияла бы на меня».

Гарри облизнул губы, прежде чем ответить, решая, как лучше поступить. Наконец он решил перейти прямо к делу. Он посмотрел ей прямо в глаза. — Из-за этого это влияет на тебя, — сказал он, держа дневник Ремуса в руке.

`Что это?' — спросил Рон.

Гарри не повернулся к нему лицом. Вместо этого он наблюдал, как выражение лица Гермионы изменилось с замешательства на выражение понимания.

А потом к одному от голода. Она знает .

— Это дневник Ремуса, — ответил он, не сводя глаз с Гермионы. «В нем подробно описано все, что он знал о ликантропии. Все, что он когда-либо испытывал. Каждое полнолуние. Каждое изменение, которое он претерпел. В нем указаны имена других оборотней, которых он знал и любил, и описано, с чем ему приходилось иметь дело, когда он рос». Его голос стал хриплым, когда он говорил. «Он часто упоминает моих маму и папу. И Сириус. Это вся его жизнь.

— Почему он оставил это тебе? — спросил Рон, и Гарри проклял тупость своих друзей. По выражению лица Гермионы было видно, что она знала, почему он сейчас держит эту книгу, и было также очевидно, что она понимала ее значение.

— Он не предоставил это мне, — наконец ответил он ровным голосом. «Он оставил это Тедди, но я его доверенное лицо. Моя работа — охранять его, пока Тедди не достигнет совершеннолетия».

«А кто-нибудь еще может это прочитать?» — спросила Гермиона, и Гарри почувствовал тоску в

ее голосе.

"Лучше, чем это", ответил он с улыбкой. «Я спросил Андромеду, могу ли я сделать копию для себя. Она сказала да, — добавил он, поднимая вторую книгу. «Это для тебя, но не говори об этом Андромеде. Она думает, что мне нужна копия, потому что там упоминаются мои родители.

«О, Гарри! Это замечательно!» — воскликнула она и бросилась на него, чуть не сбив его со стула. Он громко рассмеялся над ее реакцией и крепко сжал ее, прежде чем отстраниться и посмотреть ей в глаза.

«Только не говори Андромеде. Она убьет меня, — мягко сказал он, прежде чем передать ей копию журнала.

— Мои губы сомкнуты, — ответила Гермиона, все еще держась за его шею, и Гарри уловил в ее голосе что-то, чего он уже давно не слышал.

Надеяться.

В этот момент он почувствовал внезапный прилив нежности к ней и заключил ее в еще одно объятие.

Может, все-таки все будет хорошо.

Рон не был счастлив. На этот раз его аппетит покинул его, и, пока он сидел, лениво тыкая сосиски на своей тарелке для завтрака, он задавался вопросом, должны ли такие внезапные смены настроения быть его участью в жизни, если он будет парнем Гермионы Грейнджер. Менее суток назад его радость и облегчение от того, что он снова увидел ее, превзошли гнев и негодование, которые он таил с момента ее отъезда в Австралию. Он был искренен в своих извинениях перед ней и почувствовал, как груз свалился с его плеч, когда его девушка приняла его извинения и приветствовала его объятия. Его затянувшийся гнев на Гарри тоже исчез, и ему стало немного стыдно за свое поведение. Во всем этом не было вины Гарри; его лучший друг не пытался намеренно заставить его чувствовать себя третьим лишним; посторонний в компании своей подруги.

Просто иногда так кажется, подумал он про себя. Как сейчас.

Он почти не видел ни Гермиону, ни Гарри с тех пор, как последний выдал этот чертов дневник Ремуса. С того момента, как Гарри подарил Гермионе ее копию, он снова почувствовал себя чужаком; третье колесо в группе. Сначала он улыбнулся, когда она обняла Гарри, но потом почувствовал горечь. Как будто было два Рона Уизли; каждый борется за превосходство в своей голове.

Она всегда кажется слишком обидчивой с Гарри.

Но она твоя девушка.

Так почему же тогда она всегда обнимает Гарри?

Потому что они лучшие друзья.

Они кажутся ближе, чем лучшие друзья.

Они ближе, чем лучшие друзья, идиот! Он любит ее как сестру, помнишь? Или ты уже забыл ту ночь?

Ах, да...

Рон стряхнул с себя умственную гимнастику, происходившую в его голове. Он забыл о замечании Гарри, которое на самом деле было глупым, потому что означало, что ему не о чем беспокоиться. Он знал, что мужчина не думает о своей сестре определенным образом, потому что это просто... неправильно. Больной.

Но она ему не сестра...

‘Что-то на уме?’

Рон обернулся, покраснев от этого голоса. Джинни. Она выбирает свои моменты, подумал он, уныло покачивая головой. Он повернулся к сестре, заметив, что она выглядела расслабленной, когда прислонилась к кухонной стене, скрестив руки на груди.

‘Нет; не совсем. Я просто... веду себя как обычно глупо.’

Глаза Джинни блеснули при этом замечании. ‘Что? Опять таки? Что на этот раз?’

Рон почувствовал вспышку обиды как в тоне, так и в сути вопроса сестры. Затем он расслабился; это была не вина Джинни. Кроме; она, вероятно, поймет лучше, чем кто-либо. Но он поймал себя на том, что задается вопросом, почему она была в таком хорошем настроении — она была очень подавлена с тех пор, как Гарри наконец порвал с ней отношения.

— Я как раз думал о Гарри и Гермионе, — наконец предложил он.

`О?'

`Да. Я просто подумал, что они, кажется, проводят много времени в компании друг друга. Что им слишком нравится проводить время друг с другом».

Джинни кивнула. «Я заметил, что сегодня утром они снова заперты; у обоих есть книга. Вы знаете, что они замышляют?

Рон кивнул. `Да. Но я не могу тебе сказать. Еще нет. Гермиона скажет тебе, когда будет готова.

Джинни выглядела так, будто отчаянно хотела узнать, но ей удалось сдержаться. Вместо этого она вернулась к своему первоначальному курсу. `Значит, ты чувствуешь себя обделенным? И немного беспокоишься, что Гермиона может предпочесть Гарри? она спросила.

Рон вздрогнул в своем кресле. «Просто скажи прямо, почему бы и нет?» — воскликнул он. «Черт возьми, Джинни. По крайней мере, постарайся быть тонким.

`Почему? Это нужно сказать, Рон. Это то, с чем вам нужно смириться, иначе вы сойдете с ума. Что ж; безумнее, — добавила она, чтобы смягчить свои слова.

«Что вы имеете в виду?»

Джинни вздохнула. «Я имею в виду, что Гарри и Гермиона всегда были очень близки и, вероятно, всегда будут. И если вы серьезно относитесь к ней, вы должны принять это, иначе вы никогда не будете счастливы. И она тоже.

`И вы приняли это?' — проницательно спросил Рон.

Джинни колебалась. `Я сделал. Мне пришлось.' Наконец она села рядом с братом. «Я должен признать, что это заняло некоторое время». Она вздохнула, откинувшись на спинку стула, и Рон мог сказать, что она вспоминает. «Когда я был на пятом курсе, я ревновал к Гермионе. Даже после того, как я начал встречаться с Гарри, я все еще ревновал ее. Вот почему я несколько раз был с ней краток. И когда вы втроем исчезли в прошлом году, я снова завидовал.

«Почему?» — недоверчиво спросил Рон. «Мы были в бегах!»

— Я знаю, Рон. Но Гермиона была с Гарри, а я нет. Только когда я снова увидел вас всех, я понял.

«Знал что?»

«Знал, что мне придется доверять им обоим, иначе я никогда не буду счастлив. Это разъедает тебя, не так ли? Удивление . Нравятся ли они друг другу? Они больше, чем просто друзья? »

Рон кивнул.

«Ну; Мне пришлось научиться доверять Гарри.

«Неужели это не принесло вам много пользы, не так ли?» Рон проклинал себя за отсутствие такта, как только слова сорвались с его губ.

Джинни посмотрела на него так, будто собиралась выпотрошить его, но потом вздохнула. «Я смирился с тем, что если я когда-нибудь захочу снова воссоединиться с Гарри, мне также придется смириться с тем, что он всегда будет очень близок с Гермионой. Я доверяю им обоим. Я также понял, что лучший шанс снова сойтись с Гарри у меня есть, если ты не облажаешься с Гермионой. Как только он увидит, как вы счастливы, он вернется ко мне.

Рону пришло в голову, почему настроение Джинни улучшилось. Он надеялся, что это не было заблуждением, но он также верил, что его собственные перспективы с Гермионой улучшатся, если Гарри и Джинни снова будут встречаться. «И что мне делать? Я доверяю им, но иногда мне бывает трудно».

«Вы действительно думаете, что они преднамеренно причинили бы нам обоим такую боль?» — спросила Джинни. Вы действительно думаете, что они будут действовать за нашей спиной?

Рон покачал головой. «Нет; Наверное, нет. Он глубоко вздохнул, прежде чем продолжить. — Я спросил его, знаете ли. Что ж; Я как бы спросил его. Возник вопрос. Все сложно.»

«Спросил его что?»

«Спросил его, есть ли у него чувства к ней».

Джинни, казалось, потребовалось много времени, чтобы ответить. «И?» наконец ей удалось.

«И он сказал мне, что любит ее, как сестру. Что он думал, что я знаю, что он любит ее, как сестру. Говоря это, он повернулся и посмотрел Джинни прямо в глаза, и увидел облегчение, промелькнувшее на ее лице.

Так что у нее есть сомнения, несмотря на то, что она говорит.

«Ну; вот ты где, — наконец выдавила Джинни. — Он бы не стал тебе так лгать, не так ли?

Рон не колебался. `Нет. Он не стал бы. Гарри никогда бы не стал мне так лгать. Никогда.'

Оба брата и сестры Уизли разделили момент умиротворения при этом наблюдении.

`Так что же нам делать тогда?' — спросил Рон.

Джинни загадочно улыбнулась этому вопросу. — Оставь это мне, Рон. У меня есть несколько идей, которые помогут нам обоим.

Рон открыл было рот, чтобы ответить, но остановился и кивнул в знак согласия, решив, что не хочет знать, о чем эти идеи.

Иногда неведение действительно является блаженством.

Наверху мысли были совсем другими. Гарри совершенно не обращал внимания на беспокойство Рона и Джинни, пока корпел над дневником Ремуса Люпина. С тех пор, как он попал в его распоряжение, он читал и перечитывал отрывки, относящиеся к его родителям и Сириусу, и был в восторге, обнаружив несколько мелких подробностей о них, особенно о своем отце, о которых он никогда раньше не слышал. Когда он получил дневник от Кингсли, он подумал, что это подарок, так как он пригодится Гермионе. Он даже не подумал, что это может иметь для него эмоциональную ценность. Он узнал много новой информации о своих родителях и их ближайших друзьях. Он пролистал несколько страниц назад и остановился на случайной дате, улыбаясь, когда понял, что уже обнаружил этот отрывок. Прочитав еще раз,

30 октября 1974 г.

Сегодня знаменательный день, дорогой дневник! Сегодня я обнаружил, что у меня есть друзья на всю жизнь в Джеймсе и Сириусе, поскольку они открыли мой секрет и не бросили меня. Я не знаю, что и думать, если честно, я ловлю себя на том, что дрожу, когда пишу. Я часто задавался вопросом, как бы они отреагировали, если бы узнали правду. Будут ли они противны? Страшный или жестокий? Я никогда не ожидал, что они рассердятся на меня за то, что я не сказал им об этом раньше. Теперь я понимаю их гнев. Они думают, что я не хотел им доверять, но я верю, что они знают, почему я скрывал это от них. Но их гнев был недолгим. Сириус сказал, что раздавил бы меня, если бы не тот факт, что я могу сломать его .надвое в полнолуние, и Джеймс сказал, что мы найдем способ обойти это, так как он считал, что я буду хорошим домашним питомцем. Он сказал, что купит мне собачью миску и резиновый мячик на день рождения...

...Гарри улыбнулся, прочитав о реакции отца на откровение Люпина. Его сердце согрело осознание того, что его отец действительно был хорошим человеком; что даже будучи подростком, он был готов судить о людях по тому, кем они были, а не по тому, кем они были. Он не знал, рождаются ли люди с такими качествами или они прививаются ребенку примером и воспитанием, но в тот момент его сердце вполне готово было поверить, что его собственное отсутствие предубеждений было наследием отца.

И его мать . Ибо она тоже была упомянута в журнале. Она тоже была частью жизни Ремуса.

29 мая 1977 г.

Они целовались! Наконец-то они поцеловались! И не раньше времени. За последние несколько месяцев я бы не поставил ни единого кната на то, ударит ли Лили его или поцелует , но она, наконец, решила, что делать. С тех пор Джеймс ходит с еще более глупой улыбкой на лице, и мне интересно, понимает ли он, во что ввязался...

... конечно, знает. Он знает, что Лили исключительна. Последние два года она была мне как сестра и одна из немногих, кто знает мой секрет. И она не отвернулась! Она приняла меня таким, какой я есть, и Джеймсу лучше понять, какая она особенная, или я сожру его заживо - зубцы или что-то еще.

Но он знает. Я считаю, что эти двое созданы друг для друга. Я думаю, что все остальные думают так же, потому что даже учителя улыбались им сегодня. Северус, казалось, возражал против всего этого, но потом он возражал против всего, что делали Джеймс и Сириус. Если бы не тот факт, что он ненавидит магглорожденных, я бы сказал, что он испытывает симпатию к Лили, но это абсурдное мнение, поскольку предубеждения его и его Дома хорошо известны...

Со смешанными чувствами Гарри осторожно закрыл дневник. Его первоначальное удовольствие от чтения о матери и отце сменилось грустью, когда он подумал о бедственном положении Снейпа. Он все еще не разобрался в своих чувствах к Снейпу, а за последние недели отодвинул их на задний план. Боль и муки, которые этот человек причинял ему почти семь лет, сдерживались восхищением, которое он теперь питал к храбрости этого человека.

И сочувствие, которое он чувствовал к нему тоже. Снейп любил Лили Эванс до самой смерти, несмотря на то, что она любила человека, которого он презирал больше, чем кого-либо другого.

Или он презирал моего отца только потому , что она любила его?

Какова бы ни была причина, теперь он понимал этого человека больше, чем когда-либо. Снейп любил женщину, которая любила другого мужчину. Он любил магглорожденную — женщину, которую его учили презирать, — и он любил ее так беззаветно, что ради ее памяти пошел против своих соплеменников — даже до смерти. Такие действия нельзя было игнорировать; нельзя было беспечно отбросить. Он не мог заставить себя больше ненавидеть Снейпа, поскольку его ненависть казалась такой тривиальной вещью в свете того, что Северус Снейп пережил за свою короткую жизнь. Теперь ненависть к нему казалась пустой тратой усилий. И у человека действительно были искупительные качества. Во-первых, его храбрость. Гарри все еще не мог прийти в себя от холодного мужества, которое продемонстрировал Снейп. Одно дело действовать под влиянием момента,

И я. Он обманул меня. Он обманывал нас всех столько лет.

Если бы несколько месяцев назад ему сказали, что Северус Снейп влюблен в магглорожденную, он знал, что счел бы рассказчика сумасшедшим. Снейп никогда — никогда — не проявлял ничего, кроме презрения к магглорожденным. Он оторвался от чтения, перевел взгляд на своего друга на кровати напротив и задумался. Он наблюдал, как Гермиона рассеянно теребила волосы, читая свою копию дневника Ремуса, и ему пришло в голову, что Снейп мог быть так строг с ней по гораздо более сложным причинам, чем простая неприязнь к гриффиндорцам. Наличие чрезвычайно умной и привлекательной магглорожденной ведьмы в его классе, должно быть, навеяло некоторые мрачные воспоминания.

Особенно, когда в классе был Поттер.

Он внезапно выпрямился и покраснел, когда Гермиона подняла голову и посмотрела прямо на него. У нее, казалось, была эта безошибочная способность знать, когда он смотрел на нее, и он на мгновение задумался, было ли это из-за ее новых способностей или она всегда делала это, а он просто не замечал. Ему пришло в голову, что на протяжении многих лет он иногда принимал ее дружбу как должное. Она всегда была рядом с ним, когда он в ней нуждался, даже когда она не соглашалась с ним, и он знал, что не всегда ценил эту верность так, как должен был бы. Глядя на своего самого дорогого друга, он про себя поклялся никогда больше так не делать.

«Что?» — спросила она с ноткой веселья в голосе.

— Ничего, — поймал себя на ответе он. Он и не подозревал, что так долго смотрел. «Я просто хотел узнать, полезен ли журнал», — добавил он в качестве объяснения.

Гермиона кивнула, зная по его внезапной, тонкой перемене в тоне и запахе, что он не совсем честен, но также зная, что он не скрывает от нее ничего важного. Что бы это ни было, оно было тривиальным и личным, поэтому она предпочла проигнорировать его. Она ободряюще улыбнулась ему и снова обратила внимание на дневник в своей руке, понимая, что он все еще смотрит на нее и все еще... что-то неловко. Что бы это ни было, он расскажет ей в свое время, она знала. Гарри всегда держал свои чувства при себе, и она поймала себя на том, что задалась вопросом, было ли это результатом его воспитания с Дурслями или это было врожденной характеристикой. Если это было последнее, то она подозревала, что его сдержанность должна исходить от его матери, потому что это было ясно из взгляда Ремуса.

Журнал действительно был подарком. Она поймала себя на том, что лениво задавалась вопросом, была ли это судьба, которая ответственна за то, что она получила копию. Когда Ремус писал свое завещание, он и представить себе не мог, насколько полезным окажется это конкретное наследие. Но она отвергла эту мысль, слегка покачав головой. Если Судьба действительно была ответственна, то Судьба решила, что она должна быть проклята. Что она не могла принять. Она не хотела и не могла смириться с тем, что не властна над своей судьбой.

Вздохнув, она лениво перелистывала страницы в поисках нужного отрывка. Это было то, что привлекло ее внимание, когда она впервые прочитала дневник, и она неоднократно возвращалась к нему. Она задавалась вопросом, читал ли его Гарри, и если да, то понял ли он его значение.

25 апреля 1978 г.

Приближается время экзамена. Это наши выпускные экзамены. Они представляют собой все, над чем мы работали последние семь лет, и все же я обнаружил, что едва ли могу заставить себя заботиться о них. Все говорят о том, как они важны, дорогой дневник; о том, как они изменят нашу жизнь после Хогвартса. Даже Джеймс, Сириус и Питер размышляли о том, что они будут делать после окончания школы, и впервые мне пришло в голову — действительно пришло в голову — насколько я проклят. Мне пришло в голову, что я могу получить пятьдесят выдающихся ТРИТОН, и они все равно не будут стоить бумаги, на которой они будут написаны, потому что никто не дает работу оборотню. Для оборотней нет карьерных путей.

Я всегда знал это, я думаю. Я просто решил игнорировать это до сих пор. Мои друзья помогли мне сделать это, конечно. Они всегда говорили, что мое состояние не имеет значения, и когда я думаю об усилиях, которые они приложили, чтобы стать анимагами ради меня, я чувствую себя униженным их дружбой. Но эта дружба позволила мне забыть, что они исключение. Что реальность такова, что меня презирают. Я уже почувствовал это среди своих сородичей. Некоторым из моей большой семьи неловко в моем присутствии, и, как они ни стараются, они не могут скрыть своего беспокойства или отвращения. Этот нос никогда не врёт.

Так что же мне делать, дорогой дневник? Какой должна быть моя доля в жизни? Как я буду поддерживать себя, когда останусь один? И я буду один, потому что какая женщина сможет меня полюбить? Какие перспективы у меня есть на нормальную жизнь? Найти женщину, которую можно полюбить, жениться и завести детей? Дети? Ха! Щенки больше похожи на...

Мне кажется, я просто себя жалею. Джеймс и Сириус убьют меня, если прочитают это. Я должен считать свои благословения, а не проклинать судьбу. У меня есть друзья. Этого будет достаточно. Этого должно быть достаточно, потому что я не могу себе представить, как я могу иметь что-то еще.

На этом Гермиона перестала читать и ощутила внутри себя чувство паники. С тех пор как она узнала о своем проклятии, она тоже позволила себе забыть, насколько серьезным было ее положение. Поддержка и любовь, оказанные ей Роном и Гарри, не говоря уже о Минерве, заставили ее отвлечься от реальности ситуации. Отчаяние Ремуса; его безнадежность и его страх действовали как пощечина. То, что ей нужна была такая пощечина, не утешало ее. Она хорошо почувствовала первый намек на слезы в своих глазах и сердито вытерла их.

‘Ты в порядке?’

Она подняла глаза, пораженная внезапным вопросом, и обнаружила обеспокоенное лицо Гарри. Она дрожаще улыбнулась.

‘Я в порядке. Эта книга фантастическая». Она заставила себя улыбнуться шире. «Спасибо, что дали мне копию».

Она смотрела, как он улыбается в ответ, успокоенная.

«Пожалуйста, — ответил он.

Гермиона кивнула ему и снова обратила внимание на дневник, радуясь, что у Гарри нет ее способностей. Что он не мог чувствовать ложь и не мог читать ее так, как она могла читать его. Ведь она всегда умела читать его.

Гарри посмотрел на свою подругу и задумался, какой именно отрывок ее побеспокоил. У него были подозрения, но он решил пока оставить все как есть. Он задумчиво взглянул на собственный экземпляр дневника в руке и снова обратился к записи от 25 апреля 1978 года. Он покачал головой, понимая, что ему не нужно быть оборотнем, чтобы знать, когда Гермиона лжет ему. Он просто надеялся, что его подруга осознает это сама.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539878>